

А. П. Недоспасова

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ О МУЗЫКЕ И МУЗЫКАНТАХ КАМЧАТСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ ВИТУСА БЕРИНГА

Настоящее сообщение продолжает тему докладов конференций 2014–2015 гг., в которых автором поднимались вопросы формирования отечественной музыкальной культуры в первой половине XVIII столетия. Новый ракурс в изучении процесса освоения на российской почве западноевропейских традиций инструментального музицирования открылся благодаря сведениям, обнаруженным в материалах камчатских экспедиций В. Беринга¹. Опубликованные в последние годы в различных источниках сведения эти фрагментарны, но все же вносят некоторую конкретику в весьма общую картину наших представлений о состоянии музыкального искусства в этот период.

О подготовке Первой Камчатской экспедиции (1725–1730) сохранилось крайне мало материалов. Известно, что ее снаряжал граф Ф. М. Апраксин. Он ведал в Петровское время флотской музыкой в Санкт-Петербурге, занимался поиском и обучением музыкантов-инструменталистов², снаряжением кораблей, в том числе готовил распоряжения об изготовлении музыкальных инструментов для флотской музыки. При Ф. М. Апраксине в столице вошла в обиход корабельная музыка – явление совершенно новое в российской культуре. Инструментальные ансамбли, в состав которых входили трубы, литавры и барабаны, гобои, флейты и скрипки, звучали «при спуске судов на воду, во время угощений генералитета на палубах вновь построенных кораблей, при движении и лавировании неевского флота»³.

Музыкальное снаряжение Первой Камчатской экспедиции было, вероятно, скромным. Из перечня участников команды экспедиционеров, который приводит ученый-краевед Т. С. Федорова⁴, становится ясно, что в ней числился один барабанщик. В его обязанности входило исполнение служебных сигналов, сопровождение различных воинских ритуалов.

Вторая Камчатская экспедиция (1733–1743) готовилась весьма тщательно. В начале февраля 1733 г. Берингом было отправлено донесение в Адмиралтейств-коллегию с просьбой «отпустить» музыкальные инструменты для трубачей его команды: «...труб с мунштукми пар с патролями – 4, валтор[н] с кронами и мунштукми – 4 пары, гобоев – 6, скрыпиц – 2 и на гобой к тростям 5 фунтов камышу»⁵. В ответ последовало сообщение экипажмейстера, что на складе в достаточном количестве имеются трубы зеленой меди черные и светлые, валторны зеленой меди без крон, скрипки со смычками. Гобоев и камыша к тростям для них на складе не было⁶. Вскоре вышел указ императрицы Анны Иоановны: «...по доношению господина капитан-командора Беринга,

отправляющимся в Камчатскую экспедицию трубачам надлежащие инструменты, а именно: гобоев – 6, на гобои к тростям камышу фунтов 5, патролей к трубам на 4 пары – 8, к валторнам кронов 4 пары за неимением в Адмиралтействе купить от оной конторы и, по какой цене будут куплены, о том в коллегию репортовать»⁷.

Напомним, что у профессиональных музыкантов того времени была традиция совмещать игру на разных инструментах. В XVII–XVIII столетиях скрипачи нередко владели игрой на гобоях, флейтах, скрипках и могли исполнять одну партию на различных инструментах. Необходимость этих навыков в значительной степени диктовалась потребностью менять инструменты с тихих на громкие. Инструментарий распределялся для нужд так называемой комнатной (тихой) и уличной (громкой) музыки. Применение той или иной группы инструментов коренным образом меняло характер пьес: их мелодическая и гармоническая основа оставалась прежней, но облик менялся в значительной степени. Так, полный ансамбль или медные и деревянные духовые инструменты в сочетании с ударными чаще использовались на открытом воздухе, в то время как струнные звучали, как правило, в помещениях. То, что музыканты могли исполнять свои партии на разных инструментах, позволяло им быть более востребованными, а тем, кто нанимал их на работу, – сократить расходы на музыкальное обеспечение.

На основании представленного выше перечня инструментов, затребованных экспедицией Беринга, можно предположить, что в команде Второй Камчатской экспедиции могло быть восемь музыкантов: четверо играли на медных духовых (труба и валторна) и еще четверо – на гобоях, двое из них, вероятно, владели скрипкой. Музыка, искусство особенно востребованное властью, являлась обязательной частью церемониала, украшала трапезы и прогулки знати. Присутствие музыкантов в главном отряде Камчатской экспедиции, в котором находился командор В. Беринг, подчеркивала высокий статус этого отряда.

Из документов РГАВМФ известно, что в составе основного отряда второй экспедиции в марте 1733 г. из Петербурга выехали также и трубачи. Через полтора года в октябре 1734 г. они прибыли в Якутск, 5 сентября 1737 г. достигли Охотского острога⁸. В отряде капитана-командора числились барабанщик Василий Дерябин и трубач Михаил Торопцов. Трубачи Степан Березин, Петр Ашаев и барабанщик Иван Баборыкин служили в команде М. Шпанберга. 8 сентября 1740 г. суда «Св. Петр» и «Св. Павел» вышли из Охотска на Камчатку и 6 октября вошли в гавань Св. Апостолов Петра и Павла. В числе команды «Св. Петра», которым командовал Беринг, среди 77 человек были трубачи, вышеупомянутый М. Торопцов и Мартын Васильев, и барабанщик Осип Ченцов, призванный в экспедицию из сибирского гарнизона. Трубачи и барабанщики участвовали во всех подсобных работах при подготовке путешествия и во время него, в доставке провианта и пр.⁹

Поскольку вторая экспедиция планировалась долгосрочной, многие ее участники взяли в путь своих жен и детей. Так поступил и В. Беринг. Среди прочего имущества его супруга Анна привезла из Петербурга в Охотск клавикорд, клавишный музыкальный инструмент с очень тихим и нежным звуком. Очевидно, сама Анна Кристина Беринг, дочь зажиточного Выборгского бюргера, умела играть на нем. Можно предположить, что Берингша (так участники экспедиции называли супругу командора) украшала звуками танцевальной музыки и клавирных вариаций (наиболее распространенный репертуар тех времен) скромный быт отважных путешественников, а в их отсутствие играла для

окружающих и ради собственного удовольствия, занималась музыкой с детьми. Затем из Охотска на подводах клавикорда проделал путь в Якутск, где экспедиционеры находились почти три года¹⁰.

В этих краях инструментальную музыку европейского образца местные жители слышали, надо полагать, впервые. В. Беринг, датчанин по происхождению, обучавшийся в Голландии, без сомнения, был хорошо знаком с музыкальными традициями европейского быта начала XVIII столетия. Благодаря участникам отрядов экспедиций населению Сибири и Дальнего Востока стали известны такие слова, как «музыкальный инструмент», «музыка», «концерт», уже прижившиеся в европейской части России¹¹.

Одной из заслуг участников камчатских экспедиций стало открытие школ. Усилиями Г. В. Стеллера в Большерецком остроге на Камчатке в 1741 г. была организована школа для казачьих детей и новокрещеных камчадалов, в которой училось 26 человек. Там же Беринг и Чириков открыли вторую школу. Сохранились сведения, что в 1746 г. в Нижнекамчатском остроге школа насчитывала 45 учеников, «из них 26 детей казаков и 19 камчадалов»¹². По данным 1748 г., здесь обучались российской грамоте, письму и нотному пению 203 ученика.

В материалах об экспедициях Беринга подчеркивается, что музыканты наряду с другими членами команды выполняли всякую необходимую работу в путешествиях, полных тяжелых испытаний. Вне службы, в то время, когда они находились на суше в ожидании очередного похода, музыканты, скорее всего, как и их коллеги в столицах, обеспечивали музыкальным сопровождением танцевальные вечера, именины, иные торжественные случаи и праздники.

Важно отметить, что участники камчатских экспедиций стали первыми этнографами, собирателями сведений о фольклорном искусстве народов Сибири и Дальнего Востока. Благодаря их сообщениям в общую, весьма разнообразную картину складывались такие явления, как творчество местных аборигенных народов (жанры лирической, эпической и обрядовой сфер), шаманские представления. Одним из самых ярких и зрелищных у большинства коренных народов Сибири и Дальнего Востока был медвежий праздник. Тотемический культ медведя – основа традиционного мировоззрения народов Сибири и Дальнего Востока – находил свое проявление в многодневном обрядовом действе, целью которого было примирить дух медведя с охотниками¹³.

В музыкальном быту сибиряков – русских поселенцев соседствовали церковная вокальная музыка (пение по нотам) и духовные канты, псалмы. Российские скоморошья песни и забавы, обрядовые песнопения на Святки, Масленицу и весенние хороводы соседствовали с духовными песнопениями старообрядцев, театральными постановками пьес духовного содержания, в которых воспевалась христианская вера и осмеивалось язычество. Таким образом, мир музыкальных звуков на территориях, где проходили маршруты отрядов камчатских экспедиций, представлял собой весьма пеструю, мозаичную картину.

Отдельным качественно новым явлением в первой половине XVIII в. стала военная музыка. Она звучала в гарнизонах и на плацу, сопровождая утреннюю и вечернюю зори, развертывание и вынос знамени, смену караула, парады и пр. К сожалению, нотных образцов корабельной музыки, исполнявшейся в России в первой половине XVIII в., не сохранилось.

По окончании экспедиции выжившие среди немногих трубачи М. Васильев, С. Березин и П. Ашаев указом императрицы Елизаветы Петровны были повышены в чинах. В 1743 г., когда экспедиция была прекращена, трубачи находились в Якутске, а в 1744 г. они переехали на жительство в Томск. Из архивов РГАВМФ известно, что в Томске 15 февраля 1745 г. окончил свои дни П. Ашаев. В рапорте о смерти музыканта зафиксировано, что денег при нем не было, поэтому на похороны трубача из казны экспедиции было выдано его жалованье за январь и 13 дней февраля 1745 г. с вычетом на медикаменты. Похороны обошлись в 2 руб. 17 коп., после чего осталось 68 коп. По обычаю, были проданы пожитки: кафтан суконный голубой, шуба, одеяло, подушка. Казенная труба без мундштука была передана С. Березину, который позже был откомандирован в Иркутск для плаванья на боте по Байкалу. Трубач Мартын Васильев, один из выживших первооткрывателей северо-западного побережья Америки, 20 августа 1748 г. был вместе с больными, дряхлыми и увечными по спискам команды Второй Камчатской экспедиции отправлен из Томска в Петербург¹⁴.

Мы преклоняемся перед мужеством и стойкостью участников Великих Камчатских экспедиций, совершивших эпохальные открытия в героических сражениях с природной стихией, и надеемся, что исследование заявленной темы в память об отважных путешественниках, среди которых были музыканты, будет продолжено. В заключение приводим фрагмент навигацкого канта Петровской эпохи, отчасти передающий характер службы на корабле, полной лишений и опасностей:

«Буря море подымает, / ветром волны раздымает. / Там невозможно удержатся / с кораблями управятся. / Сверху небо потемнело, / кругом море почернело. / Тресчат райны, машты гнутца / от натуги снасти рвутца. / От удара корабль стонет, / от бросанья чуть не тонет. / Со все страны брызжут волны, / все палубы воды полны. / Не откуду ждать погоды, / разливные валят волны. / Ежли кто сему не верит / пускай море сам измерит. / Нет никому в трудах спуска, / нет сухарика на закуску. / Прости сердце и надежда, / в море волны нам одежда. / Лутче бы нам умерети / а не на море в штурме быти. / На исходе сего света / желаем вам многа лета»¹⁵.

¹ Автор выражает благодарность за идею публикации и помощь в поиске материалов членам Русского географического общества И. Ю. Маматову (Санкт-Петербург) и И. В. Кисличенко (Петропавловск-Камчатский).

² В частности, Ф. М. Апраксину в одном из указов Петра I от февраля 1705 г. предписывалось передать «29 нотной грамоты учеников (т. е. владевших навыком записи музыки нотами. – А. Н.) в Адмиралтейский приказ для учения на гобоях». Цит. по: *Келдыш Ю. В. Русская музыка XVIII века*. М., 1965. С. 20.

³ См.: *Вознесенский М. В., Порфирьева А. А. Апраксин Ф. М. // Музыкальный Петербург: энциклопедический словарь / РИИИ*. СПб., 1996. Т. 1 : XVIII век. Кн. 1 : а – И. С. 48–49.

⁴ *Федорова Т. С. Встречи с историей. Северная Пацифика глазами исследователя: сб. ст. / сост. И. В. Витер. Петропавловск-Камчатский, 2011.*

⁵ Там же. С. 194.

⁶ Там же. С. 195.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 197–198.

¹⁰ *Охотина-Линд Н. А. Значение Камчатской экспедиции для жизни на Дальнем Востоке, в Сибири и в Российской империи // Пятые Международные исторические и Свято-Инокентьевские чтения «К 270-летию выхода России к берегам Америки и начала освоения Тихого океана (1741–2011)», Петропавловск-Камчатский, 19–20 октября 2011 г.: материалы. Петропавловск-Камчатский, 2012. С. 169–175.*

- ¹¹ До второй половины XVII столетия в России профессиональными музыкантами по праву считались церковные певчие. Появление в Петровское время большого числа иностранных исполнителей на музыкальных инструментах стало формировать новые представления о музыкальном искусстве и облике профессиональных музыкантов.
- ¹² Музыкальная культура Сибири : в 3 т. / Новосибирская гос. консерватория им. М. И. Глинки. Новосибирск, 1997. Т. 2. Кн. 1 : Музыкальная культура Сибири от походов Ермака (1582 г.) до крестьянской реформы 1861 года / [Т. А. Роменская]. С. 92.
- ¹³ Порядок культа был разделен на восемь частей: пробуждение духа медведя; призыв на праздник верховных божеств; представление пришедших на призывы персонажей (духов, птиц, зверей) при помощи песен, плясок, пантомимы; выполнение очистительных церемоний; исполнение бытовых и комических сцен в масках из бересты; реальное и символическое жертвоприношение оленей; ритуальная трапеза; усыпление души медведя и возвращение ее в Верхний мир. См.: Музыкальная культура Сибири : учебник для учебных заведений среднего специального профессионального (музыкального) образования / Новосибирская гос. консерватория (академия) им. М. И. Глинки ; Н. М. Кондратьева, Л. П. Робустова, С. С. Гончаренко ; под ред. Б. А. Шиндина, Л. П. Робустовой. Новосибирск, 2006.
- ¹⁴ РГАВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 61. Л. 84, 87, 90, 96, 185; Д. 99. Л. 372; Федорова Т. С. Встречи с историей. Северная Пацифика глазами исследователя. С. 201.
- ¹⁵ «Буря море раздымает». Текст печатается по изданию: Музыкальный Петербург : Энциклопедический словарь / РИИИ. СПб., 2002. Т. 1 : XVIII век. Кн. 5 : Рукописный песенник с голосами, положенными на ноты. С. 112–113.